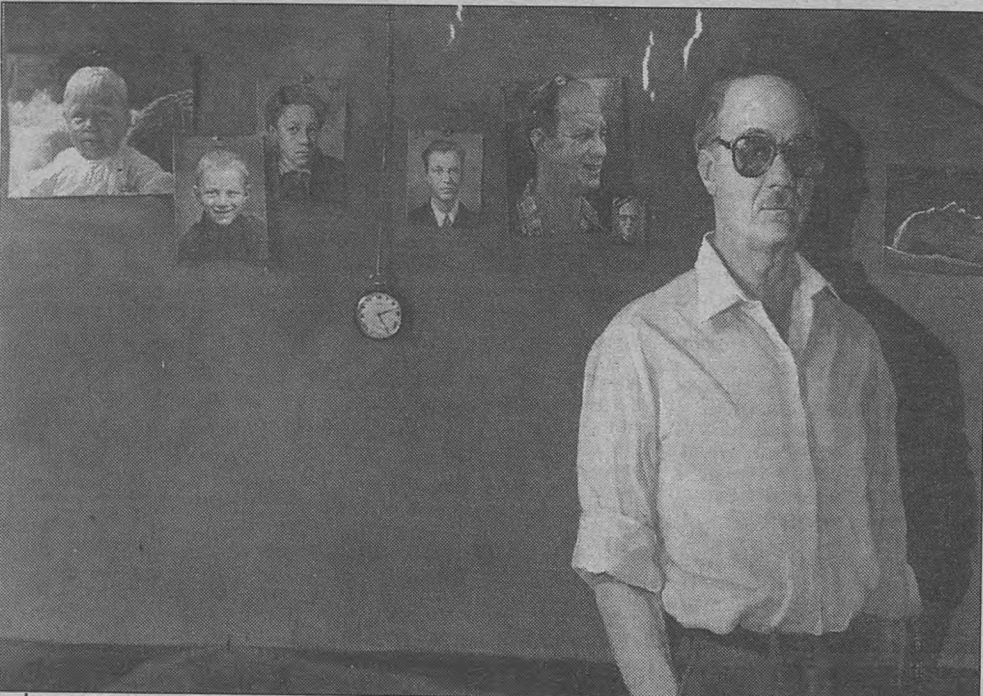

ности с выходом за пределы реальности, да еще на какой-то своеобразной дмотканой российской основе, это сочетание можно было угледеть в сценографии его последних спектаклей в ЦАТСа ("Усыятские шлемоносцы", "Рядовые", "Мы, русский народ", "Конец"). Да и не только в них.

О сценографе Белове заговорили после "Портрета" Гоголя в театре его имени (1970). Свободная композиция из пустых картинных рам, обернутых изнанкой холстов, антикварных вещей создавала сложное и загадочное пространство, где только и могла развертываться притча о художнике. У Петра Белова была репутация наблюдательного и точного бытописателя, но тянуло-то его к сочетанию быта и символа. Он был переполнен чувством жизни и все время стремился за ее пределы.

Был на выставке 1988 года и автопортрет особого рода, названный "Вся жизнь" (1987). Изобразил себя художник на фоне сероватой стены, где разместились череда фотографий автора — от колыбели до моги-

те среднерусского пейзажа, но об образе жизни Петра Белова, о его художническом поведении, о том, без чего он не мог существовать.

Выставка в Ермоловском доме напомнила о триумфе 1988 года и вела в глубину, делая личность художника объемнее и ближе, заставляя думать о том, что же там, в самой бездонной глубине — глубине человеческой жизни и смерти.

Возвращаясь с последней выставки Петра Белова, почему-то никак не могла отогнать от себя последних строк стихотворения Твардовского "Я знаю, никакой моей вины"

... И не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же,
все же, все же...

Алла МИХАЙЛОВА.

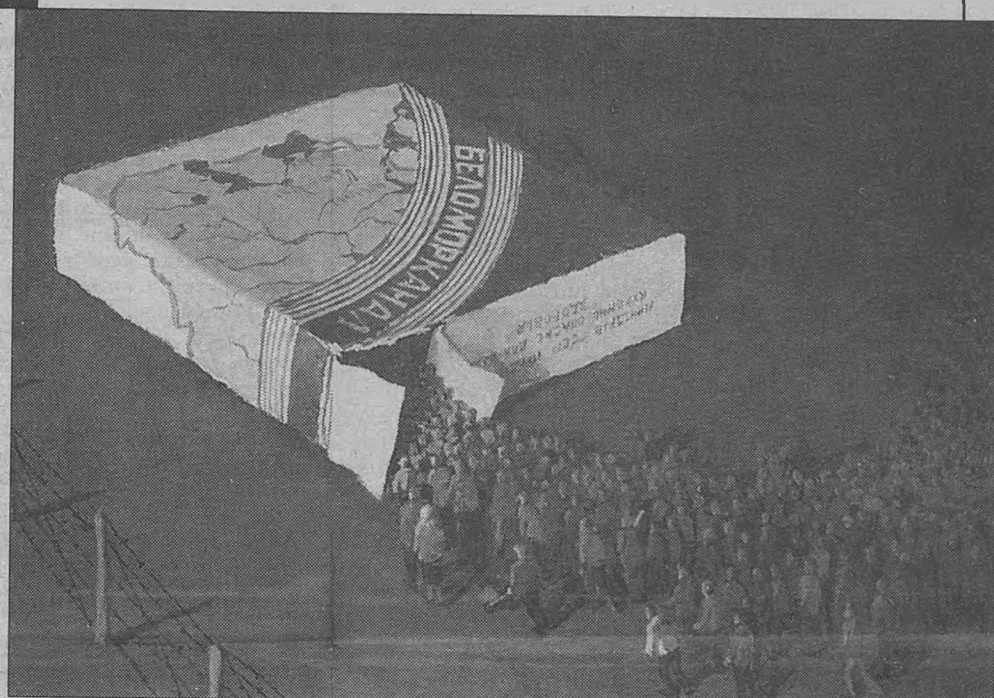
Петра Белова любили. Он не казался блестящим человеком, но излучал обаяние, был надежным, обращенным к добру. Знал театр досконально, умел все. Казалось, был рожден и воспитан для театра, хотя, как помнится, в родительской семье театральных людей не наблюдалось. 35 лет проработал на московских сценах, был главным художником Центрального театра Советской Армии, делал спектакли в провинции. Образование получил хорошее — Суриковский институт и Школа студия при МХАТ, редкий дубль.

Школа-студия ощущалась явственнее. Про Суриковский чаще вспоминали потом, после памятной посмертной выставки, где впервые был показан цикл его станковых работ. Петр Белов был известным театральным художником. После той выставки стал знаменитым. Многие помнят длинные очереди в Дом Актера, где развернули экспозицию. Такие же очереди стояли в Ленинграде, Куйбышеве, Минске, Свердловске, Вильнюсе.

Открытие художника Петра Белова состоялось в апреле 1988 года, через три месяца после его смерти. Одной

среди самых первых зрителей, художник уже знал, какое впечатление производят его картины, но будучи человеком природной скромности, словно бы удивлялся реакции смотрящих. И ждал ее, эту реакцию.

А впечатление было сильнейшим, потрясал сам ход мысли художника, масштаб ее. И образный язык, который он нашел. Ощупью и сразу. Первой показал маленькую картинку "Беломорканал", которую и написал одной из первых. Иллюзорно точно изображена пачка народных папирос "Беломорканал", в надорванный край которой втекает какая-то серовато-коричневая масса. Это не табачная крошка, а люди, зэки в ватниках и лагерных бахилах, мужчины и женщины, те, на костях которых возникла стройка, схема которой изображена на папиросной пачке. Да кто в нее вглядывался, в эту схему? Очередная стройка большой страны. А Белов словно бы понуждал всматриваться в то, что стало бытовой мелочью (подумаешь, пачка папирос!), понять, сколь много в общем нашем быту обгажено страданиями, которые забыты, кану-

Возвращение Петра Белова

Заран и сцена, — 1995. — 13-20 июля (№27). — С. 16

из реакций было удивление: неужели это тот самый Петя Белов, которого мы так хорошо знали и любили? Любили — да, но не знали.

Цикл своих станковых работ Петр Алексеевич Белов начал ровно десять лет назад, в 1985 году. Перестройка только-только начиналась, еще не были произнесены главные горбачевские слова. Но что-то уже изменилось в воздухе. Белову стало тесно в театре. Все больше времени проводил в мастерской — белый загрунтованный картон, краски, кисти, многолетняя боль сердца, мысли о судьбах страны. Он шел как бы ощупью, искал способ выражения своей боли, писал для себя. Кто знал его, поверит: это не был скороспелый отклик на перестройку, стремление первым протиснуться в открывающиеся ворота гласности.

Белов вообще не умел протискиваться. За три года написал 22 композиции. Писал, повторяю, для себя. Потом, вероятно, почувствовал, что произошло нечто, касающееся не только его одного. Стал показывать работы друзьям, поначалу самым близким, потом и другим людям, которым доверял. Происходило это в его мастерской — переулочек на Солянке, двор старинного разрушающегося монастыря, забитый какими-то гаражами, складами, учреждениями. Скрипучая лестница, мрачноватая тесная комната. Петр Алексеевич, стесняясь и гордясь, ставил одну работу за другой. Я была не

ли в историю, не воспринимаемы обиходным сознанием.

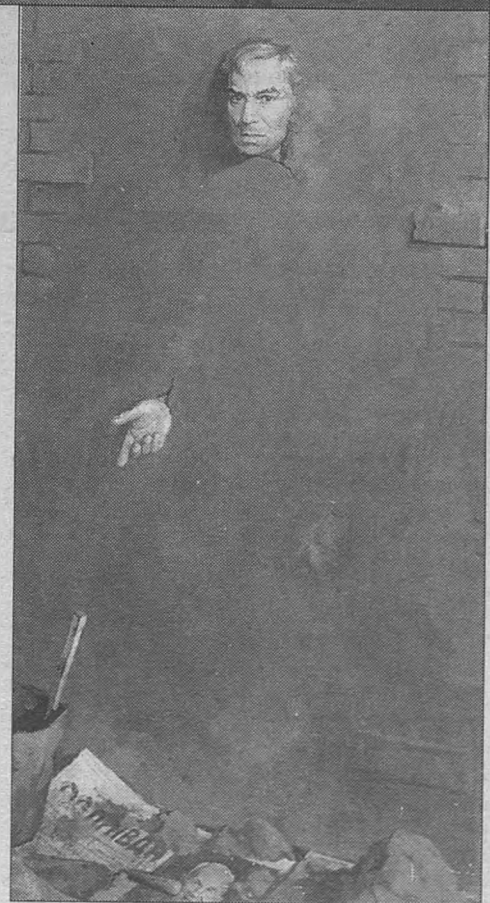
Последним поставил портрет Вс.Э. Мейерхольда: обнаженное и жалкое тело пожилого человека, рядом — тюремная параша, вместо лица — фотография на раскрытом служебном удостоверении режиссера, "действительно до" и вписанная дата расстрела. На фотографии Мейерхольд еще в порядке — белоснежная сорочка, при бабочке. Белов не успел увидеть последних тюремных фотографий режиссера, не успел прочесть потрясающих писем, где Всеволод Эмильевич пишет о пытках, которым его подвергали. Но обо всем этом говорит обнаженное тело заключенного (а писал он его с себя, как свидетельствует А.Смелянский).

Среди 22 картин цикла несколько антисталинских. Не мог, не хотел обойти художник эту фигуру. В последние годы на нас хлынул поток разоблачений — и праведных, и конъюнктурных, разных. Привыкли к ним, пресытились даже. Но Белов не разоблачал. Он размышлял и сострадал. Мысль его натывалась на наследие тоталитаризма и в постсталинские времена (портрет Б.Л. Пастернака).

Глядела на картины Белова и не могла отогнать от себя ощущение, что передо мной — неизвестный художник, корила себя за то, что не угадала в его театральных работах того, что открылось в этом цикле. А ведь на самом деле сочетание предельной достовер-

лы. Страшно, но последнее фото — профиль художника на смертном одре. Вся жизнь и предчувствие смерти, до которой оставалось меньше года. Сердце рвали инфаркты, но Белов приходил в мастерскую все чаще и чаще. Надо было высказаться. Одна из самых пронзительных вещей поименована "Уход. (Без названия)". Год тот же. По диагонали некоего картинного пространства расположился белый-белый лист, который держит рука художника, а в глубину этой белизны уходит маленькая фигурка человека, оставляя еле заметные следы (на снегу? Белов умер в снежном январе 1988 года). Чистый лист — чистый снег, пространство жизни — пространство смерти. А на первом плане картины — то, что осталось: ключи от дома, какое-то удостоверение, две денежные купюры — красная десятка, зеленая трешка. Все, что осталось.

Осталось же бесконечно больше, о чем еще раз рассказала выставка произведений Петра Белова, состоявшаяся недавно в Ермоловском доме на Тверском бульваре. Очередей уже не было. Но для меня эта тихая выставка стала как бы вторым открытием художника Белова. Кроме 11 картин знаменитого цикла, впервые были экспонированы этюды художника. Оказывается, он очень много писал для себя, вел постоянный диалог с природой. Тонкая, благородная живопись рассказывает не только о красо-

● Вся жизнь. Автопортрет.

● Беломорканал.

● Пастернак.